

Наше всё

ПУШКИН,
ПОТОМОК
РЮРИКА

ЛАРИСА ЧЕРКАШИНА

Наше всё

Лариса Черкашина

Пушкин, потомок Рюрика

«Алисторус»

2008

УДК 82-94
ББК 83.3

Черкашина Л. А.

Пушкин, потомок Рюрика / Л. А. Черкашина — «Алисторус»,
2008 — (Наше всё)

ISBN 978-5-699-30004-4

«Бояр старинных я потомок», «...корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей...», «род мой один из самых старинных дворянских», – писал, интересуясь истоками своего родословия, Александр Сергеевич Пушкин. Генеалогическое древо русского гения – по сути, не что иное, как срез нашей российской истории. Действительно, его род неотделим от судеб Отечества. Ведь, начиная с Рюрика, среди предков поэта – великие русские князья Игорь и Святослав, Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский. Цепочка пушкинской родословной соединила Толстого и Достоевского, Лермонтова и Гоголя, Глинку и Мусоргского ... В 70-х годах XX века схему родословия Пушкина разработал, что было под силу разве целому исследовательскому институту, пушкинист по воле Божией Андрей Андреевич Черкашин, бывший военный, участник Великой Отечественной войны. Неоценимый этот труд продолжила его дочь, автор настоящей книги о предках и потомках великого поэта Лариса Черкашина, на счету которой десятки интереснейших изданий на пушкинскую тему.

УДК 82-94
ББК 83.3

ISBN 978-5-699-30004-4

© Черкашина Л. А., 2008

© Алисторус, 2008

Содержание

«По праву русского дворянства»	7
Планета Андрея Черкашина	9
Родоначальник Рюрик	16
«Откуда есть пошла русская земля»	17
«Племя древнего варяга»	19
Гостомысл, муж мудрый и храбрый	21
Посадник Новгородский	21
«Мимо острова Буяна»	22
«И прия власть Рюрикъ»	24
«Во славу Руси ратной»	26
Вещий Олег	26
Князь Игорь	28
Великая княгиня	29
Воительница	29
Созидательница	31
Прекраса	32
«Иде Ольга в грекы»	33
«Начальница веры»	35
«Древний удалец»	37
«Аки пардусь»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Андреевна Черкашина

Пушкин, потомок Рюрика

Памяти моего мужа Ивана Петровича Пацея-Рожновского

Что Пушкин для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя Россия стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет.

Дмитрий Мережковский, 1937 год

© Л.А. Черкашина, 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

«По праву русского дворянства»

Из Указа императора Павла I:

«Каждый Дворянин вменял себе за славу и честь быть Рыцарем и получить знаки и украшения Рыцарства. Щиты Рыцарей украшены были гербами их родов, составленными из разных изображений, внесенных в герб в память или в знак каких-либо Рыцарских подвигов. Таковые знаки вливали в сердца потомков почтение к героическим подвигам предков своих и стремление к подражанию оным...»

Александр Сергеевич Пушкин:

«Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы...»

«Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить – или задуть...»

«...Корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей...»

«Род мой один из самых старинных дворянских...»

«Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха...»

«Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению – черта смешная в выскочке и низкая в дворянине...»

«Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости...»

«...Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением...»

«Мы такие же родовитые дворяне, как Император и Вы...» (*великому князю Михаилу Павловичу, брату Николая I*)

«Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (N.B. мое дворянство старее).

Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость...» (*поэту Кондратию Рылеву*)

«Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, son amoge (с любовью – ит.), но безо всякой дворянской спеси...»

«...Существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян...»

«...Предпочитать свою собственную славу славе целого своего рода была бы слабость неизвинительная...»

«Говорят, что Байрон свою родословную дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта...»

«Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются...»

«Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа...»

«Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием...»

«...Как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и имя, которое оставлю моим детям».

Планета Андрея Черкашина

Ветвистое древо полного родословия А.С. Пушкина воссоздавалось на берегах той же Яузы, где родился поэт, в полутора верстах выше по течению – в старинном и достославном некогда селе Преображенском, а ныне большом новом районе Москвы. Правда, от времен любимого героя Пушкина – Петра I, – времен его юношеских потех и великих государственных реформ остались разве что извивы речного русла да названия улиц: Потешная, Игральная, 9-я Рота, Знаменская, Зельев переулочок... Именно здесь, сначала на Игральной, затем на Знаменской, появились на белизне ватманского листа первые веточки гигантского генеалогического древа, изумляющего всех, кто его видел, обширностью и неожиданностью родственных связей русского поэта.

Всю эту грандиозную и кропотливую работу проделал самодеятельный историк, офицер в отставке, инвалид минувшей войны Андрей Андреевич Черкашин. Помимо библиотек и архивов, помимо собственной комнатки-кабинета, заваленной книгами, рукописями, свитками черновиков, завешанной репродукциями портретов людей из пушкинского окружения, многолетняя и каждодневная работа продолжалась и в палате старинного – опять-таки петровских времен – госпиталя на Яузе, куда фронтовые раны время от времени приводили командира гвардейской части.

Врачи приемного отделения уже привыкли к тому, что на каталке, увозящей в палату их необычного пациента, всегда лежала чертежная туба, набитая свернутыми листами, и уже знали, что через день-другой придет навещать Черкашина не кто иной, как правнук великого поэта – Григорий Григорьевич Пушкин. В сорок первом они оба защищали Москву, правда, на разных рубежах. Григорий Григорьевич приносил своему другу не только пакеты с яблоками, но и новые сведения для «разрастающегося» пушкинского древа.

Ни врачи, ни медсестры деликатно не замечали явных нарушений строгой больничной жизни. Знали, что дело только поможет их пациенту. Работа над схемой поддерживала его жизненные силы не менее эффективно, чем самые действенные лекарства, – на это время, как под наркозом, отступала боль.

А из окна палаты можно было разглядеть, как над крышами золотом поблескивают купола Елоховского собора, где на исходе восемнадцатого столетия крестили новорожденного Александра Пушкина...

«Появление на свет гениального человека не совершается экспромтом, – писал в начале XX века киевский профессор-антрополог И.А. Сикорский. – Происходит продолжительная и сложная подготовка к великому событию живой природы».

К Пушкину природа шла долго. Собирала, связывала воедино разрозненные ниточки родословных, словно сплетала какой-то особый, неведомый доселе узор. Возможно ли понять, осмыслить его закономерности и случайности?

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», – этой пушкинской строке суждено было стать ключом к задуманному Черкашиным полному родословию поэта.

Пушкин – эта наша российская история, и в ней кроются истоки пушкинского рода. Поэтому Черкашин и принялся за составление родословий старинных княжеских фамилий и царствовавших домов: Рюриковичей, Чингизидов, Гедиминовичей, Романовых, династий византийских императоров, английских, греческих и польских королей.

И когда исследователь завершил задуманное, оказалось, что составленная схема вобрала в себя более трех тысяч исторических имен; в их числе прославленные государственные деятели, полководцы и воеводы, святые Православной церкви. В этом густом генеалогическом лесу предстояло проложить тропинки, ведущие к пушкинскому роду.

Одно необычное обстоятельство открылось ему тогда: в сущности, невозможно восстановить в полном объеме родственные связи ни одного из ныне живущих. Но история будто сама позаботилась сохранить для будущих поколений имена предков Александра Сергеевича Пушкина.

Действительно, история его рода неотделима от судеб Отечества – без Пушкиных, Ганнибалов, Головиных, Чичериных, Ржевских, Беклемишевых и множества других славных русских фамилий не было бы полной истории России.

Род Ржевских стал связующим звеном между новгородским князем Рюриком и его далеким потомком Александром Сергеевичем Пушкиным. Цепочка родословной соединила славные имена великих предков поэта, первых русских князей: Игоря, Святослава, Владимира Красное Солнышко, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Мстислава Великого. Нити родословной, переплетаясь в веках, порой теряясь на крутых поворотах истории и вновь возрождаясь по непреложным законам бытия, вели к 1799 году – году рождения А.С. Пушкина.

В прямом родстве с поэтом и великий князь Александр Невский, осененный при жизни за свои ратные подвиги ореолом святости.

Александр Невский – правнук основателя Москвы князя Юрия Долгорукого, седьмого сына Владимира Мономаха. А сам Владимир Мономах – правнук великого киевского князя Владимира Красное Солнышко, тысячелетие назад крестившего Русь. От Александра Невского родственная ветвь протянулась к поэту через князей суздальских и московских.

Своей родословной у Черкашина нет. Она обрывается, как и у многих из нас, на деде. Но в историю своей фамилии он, по исследовательской привычке, заглянул глубоко. Заглянем и мы, чтобы лучше понять, почему именно этот человек взялся за титанический труд и почему он оказался ему по силам.

...Название «народ черкасы» упоминалось еще в царских грамотах XVII столетия: «черкашин» – так звали украинца, «черкашинка» – украинку. Своим происхождением слово это обязано тюркскому «чири киши», или «чири киси», что значило «люди армии». В достославные былинные времена древнерусской истории на рубеже XI–XII веков русские князья доверяли защиту своих городов полкам тюркской конницы, воины которой селились по берегам реки Рось, в городах Черкасы и Берендичев (нынешний Бердичев). Позже воины ассимилировались с местным населением. Но многие века их правнуки и внуки не расставались с саблями. Возможно, что и вольнолюбивое запорожское казачество унаследовало от них свои воинские традиции.

В середине прошлого века потомки «людей армии» вместе с тысячами других своих земляков – украинцами, русскими, белорусами – потекли обживать суровые сибирские края. Среди переселенцев были и прадеды А.А. Черкашина. Он родился в Иркутске, в тех краях, где отбывали сибирскую каторгу и ссылку опальные друзья Пушкина – декабристы, где некогда возводил крепости прадед поэта, «Петра питомец» Абрам Петрович Ганнибал. Впрочем, о декабристах и Ганнибале узнал Черкашин довольно поздно. Парнишка из большой рабочей семьи рано оставил школу и пошел на паровозоремонтный завод.

Никогда не думал Черкашин, что станет историком. Историю России он постигал не на школьной скамье – на ратных полях под Москвой, в «Наполеоновых воротах» под Смоленском, в лесах и болотах Белоруссии.

В 1943-м на краткосрочных офицерских пехотных курсах в Тушине (тоже историческое место!) он впервые увидел замечательный фильм – «Александр Невский». Двадцатитрехлетнего лейтенанта потрясло, что легендарный князь, громивший во главе русских полков псоврыцарей, был даже чуть младше его!

По прихоти судьбы, через несколько недель «гвардии Андрюшка», как прозвали сослуживцы Черкашина, надел на себя латы, почти такие же, в каких ходили на врага воины Нев-

ского, и повел свою штурмовую роту в прорыв немецкой обороны. Вот как сам он об этом рассказывал:

«Однажды перед штурмом так называемых «Наполеоновых ворот», дефиле, по которому рвались на Москву еще полчища Бонапарта, нас, командиров рот и батальонов 133-й стрелковой дивизии, собрал подполковник Сквородкин, только что вернувшийся из Москвы. Мы с удивлением разглядывали фигурные стальные пластины защитного цвета, лежавшие перед ним на куске брезента. «Это противопульные панцири. Личное средство защиты пехотинца в бою, – сказал он, поднимая одну из броняшек с заметным усилием. – Ну, кто хочет примерить?»

Почему-то охотников не нашлось. Не знаю отчего, но взгляд подполковника остановился на мне. Может быть, потому что у меня на гимнастерке сверкал рубином тогда еще редкий знак «Гвардия», а может, потому что я не утратил еще спортивную форму – до войны занимался вольной борьбой.

– Ну-ка, гвардеец, попробуй. . .

Я взвалил панцирь на грудь. Сначала показалось тяжеловато: панцирь, да еще каска, да автомат. . . Но ведь дрались же русские воины в панцирях и кольчугах. Неужели мы, их далекие потомки, слабее?

– Так тому и быть, – улыбнулся подполковник. – Войдешь, Черкашин, в историю как командир первой панцирной роты».

И вот, в один из жарких августовских дней 1943-го рота, облачившись в стальные доспехи, изготовилась в траншее к броску. Накануне Черкашин рассказал бойцам, что идут они штурмовать те самые «Наполеоновы ворота», возле которых в 1812 году разгорелась жаркая битва за Смоленск, и что в ней участвовали и кутузовские кирасиры – тяжелая кавалерия, – закованные в латы наподобие тех, что надели они на себя. Все-таки история повторяется. И повторяется не только в географии, но и порой в незначительных деталях.

Прижавшись к земляным стенкам траншеи, ждали, когда отгремит артподготовка. Израненная земля Смоленщины – чего только она не перевидала на своем веку! – вздрагивала, как живая. Ну вот, и настал их час. Атака!

– Вперед! За землю Русскую! «Рота поднялась хорошо – встали все, развернулись в цепь, – вспоминал Андрей Андреевич. – Тяжести панциря я почти не ощущал, ноги в пылу атаки несли сами. Не помню, как ворвались в немецкую траншею. Рукопашная началась, выстрелы в упор. . . Никогда не забуду лицо фашистского автоматчика. Я наскочил на него в одном из поворотов траншеи. Вжавшись спиной в земляной траверс, палит в меня с дуэльной дистанции. . . Три сильных толчка в грудь – три попадания в панцирь. Едва устоял на ногах, но устоял. . . Автоматчик видит, что его пули отскакивают от меня, как горох. За стеклами очков – обезумевшие от ужаса глаза. . . Я не стал в него стрелять, перепрыгнул, и – вперед!»

За тот бой по прорыву «Наполеоновых ворот» лейтенант Черкашин был представлен к ордену Александра Невского.

Как ни странно, но именно война привела его к Пушкину – к главному делу жизни.

Еще в декабре 1941-го боец одного из сибирских полков, переброшенных для обороны Москвы, Андрей Черкашин оказался на Калужской земле. Полк получил боевую задачу – выбить немцев из небольшого поселка со странным названием Полотняный Завод. Уже после боя, бродя по заброшенному, искалеченному войной парку, наткнулся он на старинное полуразрушенное здание.

Там же повстречался ему и словоохотливый старичок из местных жителей. Он-то и поведал своему единственному и благодарному слушателю историю старой усадьбы: здесь, поблизости, еще в Отечественную войну 1812 года шли жаркие схватки с французами, а в доме останавливался сам Кутузов. Узнал тогда Андрей, что в этой усадьбе подрастала красавица Наташа Гончарова, ставшая женой Пушкина, матерью его детей. И сам поэт дважды бывал в

Полотняном, любил эти края, купался в здешней речке с необычным названием Суходрев и даже будто бы хотел поселиться тут вместе со своим семейством...

И впервые подумалось солдату, что знает он о Пушкине непростительно мало – куда меньше, чем тот разговорчивый старик в заснеженном парке...

Именно Андрею Черкашину, фронтовику, самому познавшему, сколь неисчислимо множество чьих-то родословий безжалостно оборвала война, суждено было решить задачу невероятной сложности – соединить в веках всех предков и потомков поэта.

«Генеалогия – наука опасная, как и взрывчатые вещества, потому общение с нею рискованное...» – утверждал Валентин Пикуль. Правоту этих слов Черкашин выверил собственной судьбой. Что ж, для гвардии полковника, отшагавшего дорогами войны, риск – удел профессионала. Да и без риска открытия не свершаются.

Тогда, в самом начале Великой Отечественной, ему светили лишь две звезды: либо геройская – на грудь, либо жестяная – на солдатскую могилу. Но ход планет, больших и малых, равно как и людских судеб, рассчитан свыше.

...На войне Андрей Черкашин чудом остался жив – уцелел в жестоких боях под Москвой, не тронули пули под Смоленском, не убил шальной осколок под Витебском. Сам-то он считал – выжил, уцелел во всех жизненных передрыгах только потому, что в жизни его ждало ДЕЛО. И пока не довершит его, не поставит последнюю точку в пушкинском родословии, ничего с ним случиться не может...

Гвардии полковник в отставке Черкашин составил полное пушкинское родословие, сделав в одиночку то, что не удавалось раньше ни огромной армии биографов поэта, ни целым научным институтам, явившись в академический мир пушкиноведения, а точнее, ворвавшись в него поистине «как беззаконная комета» в круг «расчисленных светил...».

Не сразу был принят пушкинистами его огромный, подвижнический труд. Только в середине 1980-х созданные им генеалогические построения ученые назовут творческим подвигом и признают их научную и историческую значимость.

В двадцатых годах нынешнего века, на закате своей жизни, известный отечественный пушкинист Б.Л. Модзалевский сожалел, что так и не было создано «единого Пушкина». «Я буду счастлив, – писал он, – если когда-нибудь найдется такой человек, который, задавшись целью написать историю рода Пушкиных, использует собранные мною сведения, на накопление коих я потратил около трех десятков лет...»

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя...

Когда Черкашин брался за свою Пушкиниану, то и не подозревал, что обширные материалы, собранные Муравьевым, Модзалевским, другими виднейшими пушкинистами, хранятся в Пушкинском Доме. Ему пришлось начинать с азов, идти неведомым для профессионалов путем, и, как всякий новый путь, он привел к совершенно неожиданным результатам. Черкашин уверял, что судьба и здесь благоволила ему: если б раньше довелось ему увидеть все те увесистые тома научных работ, то не дерзнул бы он соперничать с маститыми авторами.

Конечно, полное родословие поэта не состоялось бы без того фундамента отечественного пушкиноведения, который закладывался не одним поколением российских историков: Татищевым, Ломоносовым, Карамзиным, Соловьевым, Ключевским, Всеволожским, Веселовским и теми безвестными древними летописцами, писавшими «земли родной минувшую судьбу». Все это Черкашину пришлось не просто прочитать – проштудировать.

Пушкин живо интересовался собственным родословием, гордился именами своих знаменитых предков. Помните?

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине,
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина...

Но многие родственные линии, которые смогли проявиться лишь графически в полном родословии, не были ведомы поэту. Не знал Александр Сергеевич, что в жилах его течет кровь Юрия Долгорукого и Александра Невского. Не ведал, что состоит в дальнем кровном родстве с прославленными полководцами – бесстрашным князем Дмитрием Пожарским и не знавшим поражений генерал-фельдмаршалом Михаилом Кутузовым. Открылся и такой знаменательный факт: оба полководца – Дмитрий Пожарский и ровно через двести лет повторивший его подвиг Михаил Кутузов – связаны родственными узами. Их матери, Ефросинья Федоровна и Анна Ивановна, принадлежали к одной фамилии – Беклемишевых.

Предок поэта стольник Петр Петрович Пушкин, живший в XVII столетии, имел двух сыновей, один из которых стал прадедом поэта по холмской линии, другой же – прапрадедом – по ржевской. В связи с подобными перемещениями колен линий Холмских и Ржевских мать А.С. Пушкина Надежда Осиповна приходится мужу – троюродной племянницей.

Наталия Николаевна, жена поэта, состояла в дальнем родстве с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, своим пятиюродным братом. И Александр Сергеевич также связан с Лермонтовым далекими кровными и свойственными узами родства.

И другой поэт – Дмитрий Веневитинов оказался в числе родных Пушкина, он его четвероюродный брат. Родство это, известное пушкинистам, идет через прабабку Александра Сергеевича Лукию Васильевну, дочь бригадира Василия Ивановича Приклонского, – ее родная племянница Анна Николаевна Оболенская, в замужестве Веневитинова, стала матерью Дмитрия.

В числе потомков Ольги Васильевны Чичериной, родной бабушки поэта, – известный дипломат, первый советский нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин.

Ну а в общем, схема пушкинского родословия дает полный простор для новых поисков и открытий. Думается, в чем-то ее можно уподобить Периодической системе элементов Менделеева – она так же дает простор уму пытливому, ищущему. И так хотелось бы, чтобы все пустующие клеточки родословия наполнились жизнью – в истории страны, в народной памяти не должно быть ни белых пятен, ни забытых имен...

Пушкин разомкнул круг неизбежного пенсионерского досуга, и Черкашин был богат необыкновенными знакомствами: летчики-космонавты Владимир Губарев и Георгий Береговой, ректор Московской духовной академии владыка Александр и владыка Владимир – глава Московской епархии, балерина Наталья Бессмертнова, академик Борис Рыбаков, прапрапра-внучка поэта герцогиня Александра Аберкорнская из Англии...

Андрей Андреевич получал сотни писем отовсюду, где живут люди, для которых свято имя Пушкина, ему звонили, спрашивали, приглашали на выступления. И это великое беспокойство, постигшее его на склоне жизни, пожалуй, и было самой большой наградой за свершенный труд.

Самой щедрой для Черкашина оказалась осень жизни, та самая, приход которой так страшит многих. Он воздвигал свой памятник Пушкину не из бронзы и мрамора. «Третий памятник» поэту, как метко окрестил творение Черкашина кто-то из друзей, взрастал на бумажных листах.

К старости гаснут желания, блекнут страсти. А тут – только за последние годы жизни – тысячи километров по стране: Минск, Барнаул, Псков, Севастополь, Петербург, Ульяновск, Оренбург. Аудитории самые разные: от продуваемых всеми ветрами корабельных палуб до больничных палат, от «красных уголков» исправительных колоний до респектабельных университетских кафедр.

В Ульяновской исправительно-трудовой колонии, встретив Черкашина, заранее извинились: сами, мол, понимаете, какой у нас контингент, – что им до пушкинского рода, когда они своих отцов-матерей не помнят, от родных детей годами прячутся...

В течение всего рассказа стриженные головы великовозрастных колонистов не шелохнулись, будто дело происходило в какой-то образцовой школе, а урок вел педагог-новатор. Шум все же возник – когда отведенное на лекцию время кончилось и слушателям приказали выйти. «Ну будьте людьми, – кричали они, – дайте же дослушать!»

Как удивительно и хорошо, что в наш рассудочный век, в век очень деловых и очень занятых людей, не перевелись чудаки: искатели исторических кладов, собиратели редкостных коллекций, мастера-реставраторы, путешественники...

Чудаки украшают мир, но мир не жалуется чудаков. Вот и уникальное родословное древо поэта, составленное Черкашиным, вдвойне уникально, ибо существовало в единственном – рукотворном – экземпляре. При его жизни ни одно отечественное издательство, несмотря на самые авторитетные отзывы и рекомендации, так и не удосужилось обнародовать полное родословие Пушкина. Правда, Черкашину предлагали свои услуги японцы. Он отказался – издание должно появиться прежде всего на Родине!

«...Хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев... Будущий мой биограф, коли Бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться», – писал некогда Пушкин.

И Бог послал Андрея Черкашина. Бог и уберег его, двадцатилетнего, в одной из самых кровопролитных мировых войн, пожалел его и потом – не дал тихой и унылой старости и отвел ровно столько земного бытия, чтобы сумел исследователь завершить свой труд, порадоваться его признанию и передать свое дело единомышленникам.

Директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) А.Н. Иезуитов в свое время так оценил этот труд: «Родословная схема предков и потомков великого русского поэта А. С. Пушкина, разработанная А.А. Черкашиным, впервые представляющая родственные связи поэта, его предков и потомков с исчерпывающей полнотой, имеет большое научное значение и окажет неоценимую помощь пушкинистам в исследовании жизни и творчества поэта...»

Вся Россия дала кровь Пушкину, а пушкинские животворные токи словно пронизали плоть и дух отечественной культуры.

Иным предстал нам поэт, соединенный кровными узами с великими сынами России, открылись потаенные глубины его наследия. И кто знает, какие новые открытия суждено было сделать Андрею Черкашину, какие бы еще молодые побеги выросли на старинном пушкинском древе? Но Бог судил иначе. Шестого мая 1993 года, в день святого Георгия Победоносца, Андрей Черкашин ушел из жизни.

Видимо, в каждом временном отрезке у Пушкина появляются служители и радители его памяти, и эта эстафета таинственным образом передается из поколения в поколение. В XX веке Пушкин обрел одного из самых верных и преданных своих служителей. Временной порог сотрется в столетиях, их имена станут ближе: помянут Александра Пушкина, помянут и Андрея Черкашина. Помянут родослова поэта и будущие генеалоги, и потомки тех прекрасных русских фамилий, чьи имена он сумел вырвать из плена забвения...

Есть некая знаковая система, которую еще нужно постичь и истолковать: Пушкин родился в четверг, в мае, Черкашин умер в четверг, в мае; Пушкина крестили в Елоховском

соборе, Черкашина там отпевали. Жизнь поэта отмерена тридцатью семью годами, его генеалогия – в зеркальном отражении – семьдесятю тремя. Поистине, «бывают странные сближения».

В жизни был Андрей Черкашин светлым, лучезарным человеком – свет этот не рассеялся и ныне. Словно свет далекой звезды.

Приди, как дальняя звезда...

На звездном небе появилась новая планета – Черкашин. Такое название, данное в честь составителя самого полного пушкинского родословия, утвердил Международный центр исследования малых планет в Кембридже (США). В высший Совет Центра входят одиннадцать маститых ученых, каждый из которых представляет свою страну. А это – Германия и Аргентина, Россия и Австрия, США и Япония...

Малая планета была открыта астрономом-исследователем Л. И. Черных еще в октябре 1990 года, но свое название получила лишь в январе 2000-го.

Людмила Черных, верно, самая звездная женщина России и Украины. Но ее удел – дарить звезды другим...

Есть такая привилегия у первооткрывателей малых планет – давать им имена. За свою жизнь и Людмила Ивановна, и ее муж Николай Степанович Черных, научные сотрудники Крымской астрофизической обсерватории, что близ Бахчисарая, открыли не одну сотню малых планет. Настоящая «звездная пара»!

Вот только некоторые из открытых и нареченных ими небесных светил: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кутузов. Да ведь это небесное отражение земного пушкинского древа!

...Прежде Андрей Черкашин дарил вычерченные им собственноручно родословия поэта своим друзьям. Да и многим библиотекам, музеям, школам. Когда-то такое же «вращенное» на ватмане пушкинское древо подарил он и Московскому фонду культуры. Но почему-то вместо обычной дарственной надписи подписал: «Нет ничего в мире прекраснее звезд...»

Люди и судьбы. Одним суждено дать свое имя городам, другим – научным открытиям или редким видам растений, в честь третьих именуют острова, проливы и корабли. И лишь немногие, избранные, превращаются в звезды.

За сотни миллионов километров от Земли, в бескрайней Вселенной, где-то между орбитами Марса и Юпитера, свершают свой вечный полет малые планеты, носящие имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гейченко...

И космос, прежде пугавший своей не доступной разуму беспредельностью, становится близким, понятным, даже родным.

...Созвездия, далекие миры, галактики – любимая тема поэтов. Им, как и астрономам, дано предвосхищать свою эпоху. И какой провидческой силой наполнены поэтические строки Василия Жуковского:

...А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.

Теперь в бескрайней Вселенной, в поясе малых планет, где-то между орбитами Марса и Юпитера сияет звезда по имени Черкашин.

Верно, есть в том и высшее признание, и высшая справедливость.

Родоначальник Рюрик

Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества.

А. С. Пушкин

Судьбы людские, подобно ручьям и родникам, сливаются воедино; мелкие речушки впадают в крупные, чтобы, однажды соединившись, превратиться в могучую, полную жизни и красоты реку русской поэзии, имя которой – Пушкин. Пушкинский род, многоколенный и разветвленный, берет начало в седой глубине веков: в VII столетии жили предки Гостомысла, деда Рюрика. Свидетельств тому почти нет, лишь древние сказания сохранили их имена, да за достоверность их поручиться сложно. Отсчет же «годовых колец» пушкинского генеалогического древа совпадает по времени с IX веком – началом русской государственности. В те достопамятные времена, как некогда считалось, приглашенные из-за моря три брата-варяга – Рюрик, Синеус и Трувор – и положили начало славянскому государству на севере – в Новгородской Руси.

«Откуда есть пошла русская земля»

Вот они, строки древнерусского летописца, породившие за столетия столько споров, домыслов и кривотолков, вплоть до пресловутой «норманнской теории» – гипотезы о создании Русского государства иноземцами.

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка¹ в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля...»

Трактовались летописные строки так: славяне в далеком IX столетии, дабы пресечь ссоры и вечные раздоры между собой и навести порядок в своих землях, обратились за помощью к варягам, т. е. к скандинавам, норманнам, силами коих и было создано Древнерусское государство. Примерно так, достаточно вольно, толковали российскую историю иноземные ученые мужи, члены Петербургской академии наук, прибывшие в Россию в XVIII столетии. Они не дали себе особого труда вникнуть в смысл слов, изменивших за века свое значение: к примеру, в летописи слово «наряд» означает не столько «порядок», сколько «ряд» – договор с кем-либо, в данном случае с воинами об охране города и посадов от врагов.

И у Пушкина в «Борисе Годунове» князь Воротынский обращается к Шуйскому со словами: «Наряжены мы вместе город ведать...» Так что иногда стоит, как писал поэт, «рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла обветшалого языка...»

За искажение русской истории ее сочинители – А.Л. Шлецер, Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер не единожды подвергались уничижающей и вполне справедливой критике. М.В. Ломоносов не без иронии замечал, что у Миллера «на всякой почти странице русских быют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют... Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». Михайла Васильевич остроумно заключал: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они... говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князьям славенским и для того в Россию призван на владение, сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно».

Удивительно живучей оказалась «норманнская теория». Причина понятна: во все времена многие монархи пытались вывести свои родословия либо от богов, как в Древнем мире, или хотя бы от знатных пришлых иноземцев, дабы отделиться тем самым от своих подданных, возвыситься над ними. Многие родовитые люди на Руси искали корни своего родословия не в родной земле, а на чужбине, называя своих предков пришельцами из других стран – варягами, пруссами. Не чужды были подобного тщеславия и русские князья – Рюриковичи, и летописцы, возможно вынужденно, шли на подлог, даже на подчистки и исправления древних текстов. Кстати, русские историки XVII–XVIII веков в угоду династическим «вкусам» Романовых возводили их род от прусского владетеля, потомок коего Гланда-Камбила в конце XIII века бежал от тевтонских рыцарей в Новгородскую Русь. Что в этой легенде не вызывает сомнения, так

¹ В древнерусском тексте летописи: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

это постоянная, многовековая миграция западных балтийских славян-прусов (поруссов) на восток, к своим родичам.

Если варягов, упоминаемых в летописи, считать норманнами, германцами, то есть викингами, снискавшими печальную славу морских разбойников, то в IX веке ни об их государстве, ни об их городах истории ничего не известно. Лишь редкие и малочисленные их селения ютились на берегу неласкового северного моря. Зато именно Русь сами викинги называли в своих сагах Гардарикой – страной городов, а арабские путешественники и историки, описывая их многочисленность и богатство, наносили на дошедшие до нас карты.

Пушкин в «Очерке истории Украины» писал: «Славяне – исконные обитатели этой обширной страны. Города Киев, Чернигов и Любеч так же древни, как Новгород Великий, вольный торговый город, основание которого восходит к первым векам нашей эры».

И зачатки государственности у славян сложились гораздо раньше IX века, до пресловутого прихода варягов на княжение. Ни викинги, ни норманны, судя по историческим хроникам, не помышляли создавать где-либо государственный «порядок». Цели у этих мореплавателей были иными – отыскать на побережье богатые селения, убить или пленить их жителей, захватить с собой как можно больше богатств.

Известно, что, когда норманны (викинги), гроза всей Европы, в начале XI в. достигли Средиземноморья, жители южного побережья истово молились: «Избави нас, Боже, от неистовства норманнов» («*A furore normannorum libera nos, Domine*»).

Не много нашлось русских историков, устоявших от соблазна идти по легкому и, казалось бы, выверенному по летописным источникам пути. Но всегда ли объективно оценивались исторические события летописцами, все ли они, подобно пушкинскому Пимену, свидетельствовали о былом, «не мудрствуя лукаво»? Ведь Нестор переписывал, а точнее, редактировал «Повесть временных лет», когда его отделяли от тех, уже давних, событий почти два с лишним столетия, а ведь и до него над рукописью трудились летописцы. Да и писал он в Киеве о делах, происходивших на севере Руси и, следовательно, не столь хорошо ему ведомых.

Нелишне напомнить, что в XII столетии летописный свод Нестора дважды переписывался. Последняя, третья, его редакция относится к 1118 году – времени правления Владимира Мономаха.

«Племя древнего варяга»

«Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие все-российское, и с него справедливо начинают русскую историю», – считал известный историк С.М. Соловьев.

Итак, кто же такие варяги, откуда они? Обратимся к летописи. Нестор отличает варягов-русь от шведов, норманнов (норвежцев), англичан, немцев. Интересно и то, что ни английские, ни шведские, ни датские историки нигде не зовут разбойников северных морей варягами, а только норманнами и викингами. Еще Ломоносов считал варягов-русь жителями южного побережья Балтийского моря и не без иронии замечал, что норманнские историки такого замечательного события, как призвание их соотечественников на княжение, не пропустили бы.

В VIII веке многочисленные славянские племена – полабцы, глиняне, бодричи, лютичи, вагры, считавшиеся хорошими мореходами, воинами и земледельцами, селились по южному берегу Балтики, в долинах рек Лабы и Одры (ныне Эльба и Одер). Часть племен объединял могущественный бодричский племенной союз. Позже, под натиском германцев, полабско-балтийские славяне были либо истреблены и вытеснены с их исконных земель, либо онемечены. С тех незапамятных времен лишь лужичане (лужицкие сорбы, южные соседи полабских славян, и поныне живущие на территории Германии) смогли сохранить свою культуру и обычаи.

Русский историк Александр Федорович Гильфердинг² в своем труде «История балтийских славян», изданном в Санкт-Петербурге в 1874 году, писал, что вся история западных славян и пруссов почти недоступна исследователям, так как письменность этих народов потеряна, города и селения переименованы: Липица стала Лейпцигом, Лаба – Эльбой, Сгорелец – Бранденбургом, Руян – Рюгеном – и так до трехсот названий. Он утверждал, что в IX и X веках на всем берегу Балтийского моря ни слова не говорилось по-немецки, а в XIV столетии немецкий язык стал господствующим на всем побережье.

С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» подтверждал, что «под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских; на востоке у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей...»

Этимология слова «варяг» теперь затемнена. На многих языках оно означало «воин», «моряк», «пират». И у Льва Николаевича Гумилева читаем: «Биография Рюрика не проста. По «профессии» он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению – рус. Кажется, у него были связи с южной Прибалтикой».

И совсем по-иному звучат пушкинские строки: «Не мало нас, наследников Варяга...» В черновиках написанной Пушкиным в 1832 году поэме «Езерский», по сути – стихотворном переложении собственной родословной, есть такие строки:

...мой Езерский
Происходил от тех вождей
Чей дух воинственный и зверской
Был древле ужасом морей.

А в 1836 году поэт переработал поэму, и этот же отрывок звучит иначе:

² О нем, как о гениальном ребенке, подающем большие надежды, упоминала в письмах мать поэта Надежда Осиповна Ганнибал.

...мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.

Изменение значительное, смысловое.

«В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника, некий первобытный дух проникает во все и во всем отзывается, – полагал Пушкин, – ... франки, готфы, бургундцы, англосаксы, датчане, норманцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам»³.

На славянское происхождение Рюрика указывали и дореволюционные историки. Они свидетельствовали, что для славянина невозможно было отвергнуть веру своего народа, а скандинавы, немцы непременно принесли бы с собой протестантскую или католическую веру (как сделали это на Балтике). На Руси же подобного не произошло.

Подытожив все имеющиеся факты и предположения, попробуем реконструировать события более чем тысячелетней давности – «земли родной минувшую судьбу...».

³ В пушкинских текстах сохранены орфография и пунктуация автора.

Гостомысл, муж мудрый и храбрый

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
А.С. Пушкин

Посадник Новгородский

«Гостомыслову могилу грозную вижу». Поэтическая пушкинская строка. Фантастическая по своей силе и провидению. Знать бы поэту, что задуманный им стих обращен к его очень далекому предку. И еще упоминание о нем сохранилось в прозаическом пушкинском наследии: «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор... и странствующий купец равны перед законами критики...»

Гостомысл – посадник новгородский в IX столетии. История сохранила не только его имя, но и праведные дела, недаром прозван он был Благоразумным. «Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем любим, расправы ради правосудия...» – так сказано о нем в Иоакимовской летописи. Имел он четверых сыновей (все они пали в ратных боях) и трех дочерей. Одна из них, Умила, стала женой бодричского князя Годослава-Годлава и матерью Рюрика.

В творческих планах поэта приводится и легендарная генеалогия Гостомысла, что еще раз подтверждает, как глубоко Пушкин стремился постичь истоки древнего славянского рода: «Славен оснует город Славянск. Вандал, сын его; Гардорик и Гунигар, завоеватели. Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде, сыновья его. Буриной, сын Владимира, отец Гостомысла».

В старинном русском сказе упоминается об удивительном сне Гостомысла: будто видел он, как «из чрева средние дочери его – Умилы» выросло чудесное древо и дало плод, от которого «насысчасуся людие всея земли». Воистину, пророческий то был сон.

Известно, что матерью Годлава тоже была славянка, дочь легендарного князя Рандвера Ратиборовича, а его отцом – вагрский князь Гальфдан (вагры – племя балтийских славян).

Существует интересная гипотеза: варягами могли называть вагров, балтийских славян, которые несли пограничную сторожевую службу. Само слово «отвага» обязано своим происхождением храбрым воинственным ваграм.

«Мимо острова Буяна»

Знакомство с историей балтийских славян проливает свет на происхождение Рюрика. Бодричи⁴, обосновавшиеся на южном побережье Балтийского моря (тогда Венедского залива – по общему для всех славян имени – венеды), именовали себя «рарогами», «руриками». Этим словом и теперь чехи, поляки и украинцы называют птицу семейства соколиных. На древнем санскрите «рарог» означает храбрый. Храбрый, как сокол! Есть свидетельства, что сокол был древнейшим славянским тотемом, изображали его и на древнерусских княжеских гербах. Бодричи поклонялись Световиту (Святовиту) – западнославянскому божеству неба и солнца, «богу богов».

Да сохранят тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный...

Святылище Световита находилось на острове Руяне⁵, в русских сказках именуемом Буяном.

Причудливая цепочка потомков Годослава через девять столетий протянется в XVIII век, на исходе которого родится великий поэт Александр Пушкин. А он будто бы знал об истоках своего рода (догадывался ли, предполагал ли, кто знает, а может, это нам хочется, чтобы так оно было?) – и совсем иным смыслом наполняются знакомые с детства строки:

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.

Фантастично, не правда ли? Александр Пушкин называет сказочный Буян – возможную родину его пращуров: ведь именно от Рюрика и вели многие русские фамилии свои родословные, и Пушкины в их числе. Да и сам поэт знал о родовых связях с Рюриковичами, о древности фамильного древа: «Род мой один из самых старинных дворянских». Ведомо ему было и семейное предание: по женскому колену (а родство идет через прабабушку С.Ю. Ржевскую) был он «Рюриковой крови».

Любопытно, что в черновых набросках к одной повести Пушкин от имени своего героя упоминает о «тысячелетнем дворянстве»: «Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха —...корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей... Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом <...> но очарование древностью, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу Историю. Но едва ли мы вслушались – Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди, или балами двою-

⁴ Бодричи, или ободриты – племена западных славян, живших в бассейне реки Лабы (Эльбы). Бодричи уже в VI–VIII веках имели князей, дружину и совершали походы на соседей.

⁵ Ныне немецкий остров Рюген близ южного побережья Балтийского моря.

родной сестры – <заметьте> что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

В пору знаменитой Болдинской осени Пушкин приступил к «Истории села Горюхина»: «...я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из Отечественной Истории. Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика...» В планах недописанной им повести осталась весьма примечательная строка: «Родословная моя, мысль писать историю». Совпадение, как кажется, не случайное.

Но обратимся вновь к событиям тысячелетней давности. Далекий предок Пушкина Годлав погибает в главном городе бодричей Рароге от рук шведского короля, и трое его сыновей отправляются в иные края, поближе к своим родичам, ведь дед их Гостомysl – новгородский старейшина. Рюрик, «убрашася от немец», как повествует Холмогорская летопись, пришел на Ладогу и основал там крепость задолго до 862 года. Следует вдуматься в эту летописную строку! В ней – ключ к тайнам старины.

И когда решили славяне поискать себе князя, их выбор (и, по-видимому, не случайно) пал на Рюрика: его знали как достойного мужа и храброго воина. Вернее всего, призван он был не из-за моря Балтийского, как считалось ранее, а из-за Ладоги. В древности многие озера назывались морями, в том числе и Ладога (море Нево).

И умирающий Гостомysl обратил свои надежды к внуку, видя в нем достойного преемника и продолжателя своего дела, ведь Рюрик со своей дружиной охранял подступы к Новгороду со стороны Ладоги. И от Ладоги до Новгорода не более 200 верст пути вверх по течению Волхова.

Вероятно, если бы новгородцы действительно отправились за чужеземное море звать себе князей, это событие нашло бы отражение и в скандинавских сагах, и в русских летописях – дело ведь нешуточное...

«И прия власть Рюрикъ»

Итак, Рюрик прибывает со своею дружиною в Новгород. Он свободно владеет славянским языком и общается с новгородцами без толмачей. И при всем том поклоняется славянскому верховному богу-громовержцу Перуну, а не Одину – главе скандинавского божественного пантеона, как все норманны. Неужели после появления Рюрика со своим войском, будь он шведом, датчанином или норвежцем, в русском языке не осталось бы следов иноязычных слов? Язык – самый беспристрастный историограф, он, подобно лакмусовой бумажке, реагирует на все социальные и экономические явления, происходящие в обществе. Да и откуда им было взяться, чужим словам и обычаям, если варяги-русь были славянами?

Сам Александр Сергеевич полагал, что «язык славянорусской имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива».

Есть еще одно поистине бесценное свидетельство о языковой общности славян и варягов-русь. Летописец Нестор оставил такую запись: «А словеньский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаяа речъ бе». Опять ключ к тайнам! Но его многие историки прошлого будто не замечали...

Существует и другая довольно убедительная версия, подтверждающая, что варяги-русь, а значит, и Рюрик – славянского происхождения. Еще в 1858 году русский историк Александр Васильев в книге «О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его варяги» привел немало любопытных исторических фактов в подтверждение своей версии: Рюрик, его братья и вся дружина были русы, славяне, и жили они у озера Ильмень, по берегам рек Варанды и Варяжи, имели с новгородцами общий язык и происхождение. От реки Варяжи (Воряжи), впадающей в Ильмень, и пошло название племени – «варяги», что логично и не противоречит древним обычаям нарекать племена «реки ради». «Во всех летописях мы читаем, – пишет историк, – и пришедше Словени седоша около озера Ильменя и нарекошеся Русь, реки ради Русы еже впадаетъ въ озеро».

В молодые годы Александр Пушкин зачитывался «Историей государства Российского» Карамзина, только что увидевшей тогда свет. Прочел ее, по его же словам, «с жадностию и со вниманием». «Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом», – заметил поэт.

Кстати, Пушкины упоминаются в «Истории государства Российского» двадцать один раз!

И под пером Карамзина
Родною славой прозвучало...

В пушкинских воспоминаниях о Карамзине есть и такие слова: «Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек умный и пылкий, разобрал предисловие... Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале Истории не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал романа в истории – ново и смело!»

В истории правда превыше всего – вот главное для Пушкина. Историческая наука начала XIX столетия не располагала еще многими достоверными фактами и свидетельствами, полученными лишь в недавнее время и способными опровергнуть «норманскую теорию».

Под впечатлением «Истории» Карамзина, которую поэт называл «подвигом честного человека», а возможно, и трудов Татищева (его более ранней «Истории Российской с древнейших времен»), Александр Пушкин пишет поэму «Вадим», к великому сожалению, так и не оконченную.

Летописные сказания сохранили имя Вадима Храброго, славянского князя, восставшего против варяга Рюрика и убитого им. Никоновская летопись указывает даже год восстания – 864-й. Пленителен и благороден у Пушкина облик юного князя, первым дерзнувшего подняться за «славянскую свободу».

На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы золотые,
Волнами падшие до плеч...

Если следовать единственно признанной в пушкинскую эпоху версии о призвании варягов на Русь, все логично: Вадим восстает против завоевателей, готов «умереть за свободу Новгорода».

Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина;
Он узнает ее щиты...

И нет ни малейшего сомнения, что так бы оно и было: свободолюбивые славяне, «народ нетерпеливый, старинной вольности питомец горделивый», изгнали бы чужеземцев, чему подтверждением и пушкинская поэма.

Вероятнее всего, борьба Вадима с Рюриком – это те самые княжеские усобицы и распри, которыми столь изобилует древнерусская история, – «и вьста родъ на родъ», «воевати почаша сами на ся...».

...Славян кровавые скрижали...

Историкам будущего еще предстоит расчистить напластования поздних эпох, чтобы восстановить истинный смысл деяний наших пращуров. А значит – создать научно достоверную картину становления российской государственности.

Первый славянский князь Рюрик. Его далекий потомок Александр Пушкин написал однажды строки, равнозначные целой поэме: «...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

«Во славу Руси ратной»

*Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

Вещий Олег

Сын Рюрика Игорь лишился отца в младенчестве. Рюрик умер в 879 году – сыну его в ту пору было не более двух лет. Известий о точной дате его рождения нет, вероятнее всего, это 877–878 годы.

По свидетельству летописи, Рюрик перед смертью передал правление своему родственнику Олегу, назначив его опекуном малолетнего сына.

Летопись повествует, как князь Олег, прозванный Вещим, со своими воинами – славянами, чудью, меря, кривичами, варягами – прошел из Новгорода по пути «из варяг в греки», взяв в 882 году Смоленск, город днепровских кривичей, и Любеч. Посадив там своих «мужей», он «приидоша» к Киеву.

В том же 882 году хитростью заманил Олег в свой лагерь правивших тогда в Киеве князей Аскольда и Дира. Там, на высокой днепровской круче, они и приняли свою неожиданную смерть. По летописи, Олег будто попрекнул Аскольда и Дира, что они не князья и «не княжеского роду», и вынес к пленникам малолетнего Игоря со словами: «Вот он, сын Рюрика».

Со смертью князей-соперников Олег становится могущественным киевским владыкой. «И сел Олег, княжа в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским»». Олег, взимая дань со многих славянских племен, объединил под своей властью древлян, северян, радимичей (С.М. Соловьев называет его «собирателем племен»). Он же, князь-нарядник, «нача города ставити» и «боронить» русские земли от «ворогов». Отомстил Олег и «неразумным хозарам» – борьба с ними закончилась освобождением радимичей и северян от «хозарской» дани.

В 907 году князь совершил свой знаменитый поход в Византию: «...поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде къ Царюграду...»

Византийцы, напуганные вторжением столь могучего войска, без сражения запросили мира, и он был принят русскими – «и заповеда Олегъ дань даяти...».

Договор, заключенный с Византией в 911 году (кстати, это первый на Руси известный письменный памятник), сулил большие выгоды русским, благоприятствовал торговле и мореплаванию.

Знаменательно и то, что «варяг» Олег, обещая блюсти договор, клялся, по славянскому обычаю, оружием и богом Перуном. А сам договор Руси с Византией начинался словами: «Мы от рода русьскаго...» Летописные страницы поведали, как победитель Олег прибил свой щит на вратах столицы Византии.

Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

«...Разные славянские племена, принявшие имя русских, умножили войска своих победителей. Они завладели Киевом; Олег обосновал там столицу своих владений.

Варяго-русы стали ужасом Восточно-Римской империи, и их дикий флот не раз угрожал богатой и слабой Византии. Она, не в состоянии отражать их набеги силой оружия, льстила себя тем, что связала их ярмом религии». Эти пушкинские строки – еще одно подтверждение тому, как глубоко знал поэт отечественную историю.

Победой прославлено имя твое...

...На ладьях, тяжело груженных серебром и заморским товаром, воротился Олег с дружиной в Киев. «...И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами».

Умер Олег в 912 году, прокняжив тридцать три года. По сказанию Львовской летописи, погиб князь от укуса змеи, таившейся в черепе некогда любимого им коня.

Деяния Олеговы и сама смерть его воспеты Пушкиным. «Тебе кажется Олег не нравится; напрасно, – спорил поэт с Александром Бестужевым. – Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе— есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Князь Игорь

Год смерти Олега – 912-й – становится началом фактического княжения Игоря Рюриковича, хотя Игорь и считался великим князем с 879 года – года смерти отца.

«Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников государя великого или презирают недостойных», – полагал Н.М. Карамзин.

Игорь продолжил великое дело объединения земель, начатое его отцом и Олегом. За время княжения он подчинил своей власти тиверцев и уличей (их земли стали частью Киевского государства), подавил восстание древлян (восточных славян Полесья и Правобережной Украины), которые после Олеговой смерти не замедлили отделиться от Киева.

Дважды (в 941 и 944 гг.) Игорь совершал походы на Византию. Первый из них закончился жестоким поражением: русская флотилия была сожжена «греческим огнем» у стен Царьграда.

Но уже через три года после неудачного похода Игорь, вновь собрав огромное войско, двинулся на Византию. На сей раз нарушенный договор был восстановлен, и, как прежде, Византия обязывалась платить Руси дань, «иже имал Олег». Впервые в договоре с Византией 945 года Древнерусское государство именовалось Русской землей – «знак большей твердости в отношениях к стране, теснейшей связи с нею».

Игорю, первому из русских князей, пришлось столкнуться с воинственным племенем печенегов. «Русские, ставшие грозой для самых далеких народов, сами подвергались нашествиям своих соседей болгар, печенегов и половцев», – справедливо заметил Пушкин. Правда, в 915 году, когда кочевники-печенеги только появились в русских землях, князь заключил с ними мир. Но уже через пять лет Игоревы дружины мерились силой мечей и быстротой коней с воинственным племенем.

Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей...

Игорь, как и Олег, прокняжил на Руси ровно 33 года. Осенью 945 года Игорь с дружиной отправился в земли древлян, где собрал с племени обильную дань. Но показалась она Игорю и его дружинникам малой, и тогда отправил он добро под надежную охраной в Киев, сам же вернулся к древлянам за новой данью. И собрались на совет во главе с князем Малом обиженные древляне, и порешили так: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не уьем его, то всех нас погубит».

Решение древлянских мужей стало для князя роковым. Византиец Лев Диакон поведал об ужасной казни Игоря: мучители привязали его к двум согнутым деревьям, и те, распрямившись, разорвали тело на две части. «... Судьба определила ему погибнуть от своего неблагоприятия», – так заключил Карамзин жизнеописание князя.

...В сентябре 1827 года приятель поэта А.Н. Вульф записал в своем дневнике: «Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории...»

Великая княгиня

*Предание нарекло Ольгу Хитрою, церковь Святою, история
Мудрою.
Н. М. Карамзин*

Воительница

Сумрачны и суровы древлянские леса. Редкие солнечные лучи, чудом пробившиеся сквозь лесную чащобу, серебром вспыхивают на остриях пик и шлемов, веселыми «зайчиками» отражаются от высоких щитов... В 946 году огромное войско, ведомое киевской княгиней Ольгой, вступило в Древлянскую землю.

Грозная княгиня-мстительница восседала на белом красавце скакуне, а чуть поодаль от нее, крепко вцепившись в поводья боевого коня, гарцевал маленький всадник – единственный сын Ольги, Святослав, надежда ее и отрада.

Радовалась и печалилась Ольга, глядя на маленького княжича. Будто в ратных доспехах он и родился – так ладно сидит на нем кольчужка, так ловко подогнан к детской головке шлем. Настоящим воином растет сын. И лишь льняные пряди волос, кольцами выбившиеся из-под шлема, выдают возраст Святослава – «бе бо детескъ» еще княжич.

Мрачны думы княгини. Принял князь смерть мученическую от древлян. Нет больше Игоря, нет у нее мужа, у сына – отца, у киевлян – великого князя. Не по годам рано примет боевое крещение сын. Не суждено Святославу свидеться с отцом: никогда больше не приласкает Игорь маленького княжича, не посадит его на коня, не обучит всем ратным премудростям. Что ж, она, мать, заменит отца осиротевшему сыну, воспитает его достойным Рюриковичем.

Больно Ольге, словно это ее сердце разорвали на две половинки, и кровоточит оно беспрестанно... Живы в памяти Ольги горькие видения. Не успела оправиться от скорбной вести, не просохли еще слезы на лице ее, как пожаловали на княжий двор послы из Древлянской земли. Нет, не повиниться перед вдовой пришли они – разбередили только раны сердечные своими недостойными речами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, – пойди замуж за князя нашего, за Мала».

Ничем не выдала гнева своего княгиня – повелела киевлянам воздать честь послам. Понесли важных послов к князьему терему в ладье (а те важно восседали в ней, кичливо поглядывая на людей), да так и сбросили древлян вместе с ладьей в приготовленную яму – заживо и погребли. Приняла Киевская земля тех знатных мужей.

Не замедлило явиться следом и второе посольство – очень уж хотелось князю Малу обрести власть и могущество, став мужем киевской княгини. Лучшие из лучших древлянских мужей пришли к Ольге на поклон. Приняла их княгиня ласково, просила после тяжелой дороги в бане помыться, а после и говорить с ней о сватовстве. Знала, что никому из них не суждено более видеть ее: усердные слуги уж обкладывали баню хворостом, подносили огонь к сухим поленьям.

Свечой полыхнул деревянный сруб, взметнулись из него алые языки пламени, вознося к небу отчаянные крики и мольбы. Жаркую, огненную баньку устроила Ольга ненавистным посланникам...

Но гнев княгини, казалось, не ведал границ. Тризна, которую справит Ольга по своему убиенному мужу, будет стоять жизни еще пяти тысячам древлян. Жаждой мести наполнилось, разгоралось ее сердце. Все думы, все помыслы Ольгины об одном – покарать обидчиков. И

пока не исполнит задуманного, не будет сердцу ее покоя. По его зову и привела она рать в Древлянскую землю. Ведомо ей: сын должен отомстить за отца.

...Властно взмахнула Ольга рукой, и Святослав, не спускавший глаз с матери, изо всех сил метнул копье в противника. Копье, пущенное слабой детской рукой, пролетело совсем немного и упало у передних ног коня. И воскликнул воевода: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем!»

Сигнал к бою был подан, и сошлись рати. Под натиском княжеской дружины древляне отступили, заперлись в своих городах. Ольга же с войском осадила город Искоростень, где так бесславно погиб ее муж. Все лето безуспешно осаждали город киевские ратники, и тогда Ольга вновь пошла на хитрость. В знак примирения потребовала она от искоростеньских жителей принести ей от каждого двора по три голубя да по три воробья. Ольгины воины, как только стало темнеть, привязали к лапкам птиц зажженные труты и выпустили их на волю. Птицы полетели к своим гнездам под крыши домов и сараев, и заревом великого пожара озарилось ночное небо над Искоростенем.

Так повествует летописец Нестор в «Повести временных лет» о мести гордой псковитянки Ольги, вдовы великого князя киевского Игоря.

Созидательница

Княгиня Ольга не случайно народной молвой величалась мудрой, вещей. Свершив свой суд, она же установила и разумные пределы дани и сроки ее сбора. «...Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор», – писал почти полтора столетия спустя после правления княгини киевский летописец Нестор.

Не случайно упоминает он о княжьих саях, хранящихся в Пскове. Подаренные Ольгой городу сани – это и своеобразное свидетельство ее власти, и вещественная память о самой великой правительнице – «дней прошлых гордые следы».

Еще недавно неистовствовала грозная княгиня: крушила ненавистные ей рати, испепеляла древлянские города – и вдруг, словно утолив страшную жажду мщения, с таким же жаром взялась за дела государственные, созидательные. Никогда больше не прибегнет она к насилию и разрушению.

То была другая жизнь, другая Ольга, и все, что делала она в той, прежней, своей жизни, согласовывалось с языческим пониманием правды и справедливости. Предстояло долгое и многотрудное восхождение киевской княгини к великому духовному подвигу. И начиналось оно с созидания. Укреплялись древнерусские города, их центры – детинцы и кромы – обносились валами и частоколами, каменными и дубовыми стенами. В правление Ольги появились границы на западе Руси, встали богатырские заставы на южных ее рубежах. А в самом стольном Киеве по велению княгини возвели мастера великолепные каменные палаты – княгинины дворец и терем.

Знал о великих деяниях княгини Ольги, конечно же, и ее далекий потомок Александр Пушкин, чему подтверждением строки из одной его критической статьи: «Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое...»

Прекраса

Кто же она, откуда родом древняя правительница Руси? Первые сведения о ней чрезвычайно скупы. Доподлинно лишь известно, что родилась Ольга на Псковской земле. Ольгой-

Псковитянкой величали ее. Предание называет ее родиной село Выбутово, что в двенадцати верстах от Пскова вверх по реке Великой. «Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова», – так пишет Нестор. «Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбушскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам», – повествует Карамзин.

По другим сведениям, взятым из Иоакимовской летописи, княгиня Ольга происходила из рода изборских князей и принадлежала к одной из забытых княжеских династий (в X–XI вв. их было около двадцати). Род же этот был либо вытеснен Рюриковичами, либо породнился и слился с ними.

Древнерусский город-крепость Изборск (позже он охранял подступы к Пскову) в 862–864 годах был вотчиной Трувора, одного из трех братьев, якобы приглашенных владеть и править Русью. Рюрик, родной брат Трувора, стал княжить в Новгороде после смерти своего деда, новгородского посадника Гостомысла.

Юной Ольге довелось как-то перевозить князя Игоря на лодке через реку Великую. Видимо, не только красота девушки, но и ее речи, не по летам разумные, увлекли молодого князя. И стала псковитянка Ольга, Ольга Прекраса, женой великого князя киевского Игоря Рюриковича.

Неизвестен точный год рождения Ольги. Предполагают, что родилась она в 883–890 годах. Свидетельства в летописных источниках крайне противоречивы. В «Степенной книге», где описывается романтическое знакомство Ольги и Игоря на реке Великой, упоминается о физической силе молодой перевозчицы. Значит, было ей в ту пору не менее 17–20 лет. А в «Устюжском летописце» говорится, что Игорь взял в жены Ольгу, когда той исполнилось всего десять лет. Ничего удивительного в том не было: столь ранние браки случались в Древней Руси. И брак этот был долгим: сорок два года прожила в любви и согласии княжеская чета. Следовательно, женой Игоря Ольга могла стать в 903 году.

И все же большинство исследователей (в их числе и академик Б.А. Рыбаков) склонны полагать, что в 945 году, когда древляне убили князя Игоря, Ольга была еще молодой. Да и сына ее Святослава летописи в 946 году именуют ребенком. Ближе и понятнее тогда женская судьба княгини Ольги, летописные сказания о ее необычайной красоте, покоровившей сердце византийского цесаря.

Вещая Ольга радела о расцвете земли Русской, ее могуществе и красоте. Деяния княгини в столетиях обратились легендами...

То были тайные преданья
Сердечной, темной старины...

«Иде Ольга в греки»

Одно событие в жизни Ольги искупило все былые ее прегрешения – княгиня приняла крещение. Пролитая киевской правительницей кровь древлян прощена ей православной церковью – ведь язычница Ольга не ведала в те годы христианства.

Историк Карамзин предполагал, что Ольга в Киеве «могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения».

Знаменательной стала поездка Ольги в Константинополь. Исторически достоверны и пушкинские строки – Константинополь (Царьград) был святым городом для первых русских христиан:

При Ольге сын его Варлаф
Приял крещенье в Цареграде...

Вот как о том давнем путешествии киевской княгини повествует летопись: «В год 6463 (955) отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом... И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого...»

«После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки⁶, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своей дочерью...»⁷

Елена – христианское имя, данное в крещении киевской княгине Ольге. И то, что она стала им называться, не было случайным. Это имя носила достойная предшественница Ольги – первая христианская царица. Святая Елена особо почиталась в православном мире – ведь это она восьмидесятипятилетней старицей отправилась в далекое путешествие в Святую Землю и сумела найти там главные христианские святыни – Вифлеемскую пещеру и животворящий Крест. Через пять с лишним столетий киевской княгине суждено было повторить духовный путь святой царицы – стать первой русской христианкой.

Достоверно не известно, приняла ли Ольга крещение в Византии либо прибыла туда уже христианкой (сопровождал ее священник Григорий, ездила с Ольгой в Царьград и Малуша, мать будущего крестителя Руси Владимира), крестившись еще в Киеве, до поездки. Но то, что Ольге, «архонтисе русов» – повелительнице русичей, как величали ее в византийских хрониках, был оказан достойный прием в столице, – вне сомнения.

Константин VII принимал русскую княгиню в самом парадном зале своего дворца, восседающая на роскошном «троне Соломона». И когда Ольга со своей свитой вошла в зал, золотые птицы, сидевшие на золотом древе, запели, а золотые львы, украшавшие подножие трона, издали приветственный рык.

⁶ Паволоки – византийские шелковые ткани.

⁷ Константин VII ко времени визита Ольги был женат. Как полагают, Ольга вела переговоры о невесте для Святослава, истолкованные летописцем как неудачное сватовство императора.

«На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 миллиаризий...» – описывает Карамзин данный в честь Ольги великолепный обед.

Золотое блюдо княгиня пожертвовала в ризницу Софийского собора. Вот каким было оно, по свидетельству паломника Добрыни Ядрейковича: «Блюдо велико злато, служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивше ко Царюгороду; во блюде же Ольжине камень драгий, на том же камени написан Христос». Дар этот мог быть крестильным вкладом киевской княгини.

И для Ольги настала новая, исполненная высшего духовного смысла жизнь. Стараниями благоверной княгини были воздвигнуты на Руси первые христианские храмы в Киеве, в Витебске, в Пскове. «Семена были посеяны», – как писал поэт.

Правила Ольга государством двенадцать лет, до 957 года, – к тому времени подрос ее любимый сын Святослав.

«Начальница веры»

Сын, несмотря на увещевания матери, первой русской княгини, принявшей христианство, крещения не принял. Более всего страшился отважный князь-ратник насмешек своей любимой дружины. Да и не о христианстве радел юный Святослав. Влекли его совсем другие думы и заботы: и во сне, и наяву грезил он теплой, ласковой землей Болгарии. Виделась ему могущественная славянская держава, простиравшаяся до голубого Дуная.

Сбылись мечтания Святослава – стал он княжить в Переяславце. Но беспокойно было в Киеве. Осиротел стольный град без князя-защитника. Точно воронье, слетелись под киевские стены печенежские орды. Заперли киевляне ворота – замер город, затаился.

Весь Киев новою тревогой
Смутился! Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Вместе с киевлянами переживала Ольга великие бедствия: кончились припасы еды и питья в осажденном граде, и настал в нем страшный голод. Душой исстрадалась княгиня за своих малолетних внуков – Ярополка, Олега и Владимира.

Донеслись и до Святослава горькие упреки киевлян: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул... Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?»

Вихрем налетел Святослав на вражеские орды, «прогнал печенегов в поле, и наступил мир».

Не сиделось князю в стольном Киеве, не житье вольной птице в золоченой клетке. Вновь затосковал Святослав о «середине земли», куда «стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха и воск...». Горестно вздыхала старая княгиня-мать, слушая горячие речи своего сына. Об одном лишь просила его: «Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?.. Когда похоронишь меня – отправляйся куда захочешь».

Предчувствия благоверной княгини сбылись. Ровно через три дня, 11 июля 969 года, не стало мудрой правительницы Руси, «начальницы веры». И «плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди».

Похоронили Ольгу, как она и завещала, по христианскому обычаю, не совершая по ней тризны. В «Похвале Ольге», написанной в год ее кончины, летописец величает княгиню денницей пред солнцем и зарей пред светом.

Не отрекся от язычества сын-воин Святослав, но оставили Ольгины речи след в душе ее внука Владимира, будущего князя киевского Красное Солнышко. И когда пришлось стоять князю перед великим выбором – какую веру принять Руси, вспомнились слова, что говаривали

ему верные бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей».

От Ольги, нареченной православной церковью равноапостольной, раскинулось плодоносное древо. Много славных родов дало оно, немало достойных в российской истории имен «возшло» на нем – князей, просветителей, воевод. Сбылись пророческие слова патриарха Константинопольского Феофилакта, сказанные Ольге после ее крещения: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков».

И одному из них, ее далекому потомку, поэту Александру Пушкину, соединенному со святой Ольгой тридцатью коленами родства, будет дарована величайшая, поистине всемирная слава.

Первая русская христианка – и первый поэт России. Какие незримые и нерасторжимые узы связали их – поэта и древнерусскую княгиню, стоявшую у истоков его родословия. И есть в том некая сокровенная тайна, что свое последнее пристанище, свой «милый предел» обретет Пушкин в Святых Горах, на Псковской земле. На земле, осененной именем святой и прекрасной женщины – княгини Ольги...

Имя древней русской княгини не затерялось в веках, не исчезло бесследно. Теплилась память о ней в народе, как и лампы у ее икон.

Но во дни народных бедствий и смут случалось чудо: лучи Ольгиной славы, потускневшие было за столетия, разгорались с новой, невиданной силой. Сколько же матерей, невест и вдов находили утешение, обращая свои молитвы к святой Ольге. Благоверная княгиня, праведница, целомудренная жена – идеал верности и единобрачия в Древней Руси...

Сын Ольги и Игоря – князь Святослав продолжил род Рюриковичей.

«Древний удалец»

Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.
А.С. Пушкин

«Аки пардусь»

Святослав – князь-воин, с детства принявший боевое крещение, – остался в памяти поколений мужественным, открытым, честным. Характер его закалился в бесчисленных ратных битвах и походах.

«Мечом раздвинувший пределы богатых киевских полей» – эти пушкинские строки как нельзя лучше соотносятся с величием воинских подвигов Святослава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.